

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЗНАНИЯ В ОТРАЖЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Г. ШУЛЬПЯКОВА «ФЕС»)

Современные условия жизни диктуют авторам новые требования. Литература вынуждена (или, возможно, сама становится инициатором реализма, постмодернизма и пр.). И лишь выделение доминирующей линии позволяет относить то или иное произведение к определенному направлению. Однако следует отметить, что практически во всех современных книгах есть целый ряд схожих черт.

Среди общих тенденций современной русской прозы особо выделим такие явления: иронизация текстов, расширение реальности, преодоление пафоса, а также клиповость мышления, а следовательно — авторского повествования. Безусловно, эти элементы — характерные особенности постмодернистских произведений многих видов искусств, и литературы в первую очередь, но они проникли в произведения из других направлений и течений.

Клиповое сознание подразумевает отсутствие целостного представления о мире, о жизни. Жизненные события воспринимаются человеком как цепь случайных фактов, которые не имеют логической связи, причинно-следственных отношений. Парадоксально, что клиповость свойственна современным текстам даже реалистического направления, в котором принцип детерминизма является базовым. Характерным примером такого произведения может служить роман «Фес» Глеба Шульпякова, который вышел в № 3 журнала «Новый мир» за 2010 г.

События романа происходят в разных местах: в Москве и где-то в средней Азии. Все происходящее с главным героем не воспринимается им как единое целое, имеющее свой смысл и значение. Интересен тот факт, что персонаж лишен имени: в некоторых главах повествование идет от первого лица, часто употребляются местоимения «мой», «моя», в других герой просто называется «человеком». Создается ощущение, что автор намеренно запутывает читателя, не давая однозначно понять, что речь идет об одном и том же герое.

Начало произведения, протокол осмотра места преступления, сразу задает общий тон всему роману — напряженного, угнетенного ожидания развязки, которая, впрочем, не наступает даже в финале. Не совсем законные действия приводят героя в подвал в азиатском городе (как можно сделать вывод из названия, в тот самый Фес), где он, прикованный цепью к стене, вынужден жить и работать практически без еды длительное время.

Еще одна из особенностей романа — отсутствие четких временных границ. Нельзя понять, сколько длится одно действие и как много времени прошло от одного события до другого. Такая неопределенность хронотопа также является особенностью современного сознания и литературы. Лишь по некоторым намекам можно понять, сколько продолжается череда событий, в начале романа персонаж упоминает о беременности и скорых родах жены, в его конце он говорит: *«С той стороны стоит девушка, та самая. Сквозь мутное стекло видно коляску и что ребенок одет в комбинезон.... Мальчик улыбается, я вижу два крупных зуба»* [5, с. 81]. Таким образом, напрашивается вывод, что вся история занимает приблизительно около года, хотя, судя по повествованию, могло пройти и несколько лет.

Внутренняя речь героя, которая, собственно, и представляет собой весь роман, часто наталкивает на мысль об отрывочности восприятия им событий: *«В эту же секунду фрагменты складываются в картину»* [Там же, с. 80]. Сами фрагменты в произведении не связываются никаким образом — начало новой главы может просто перенести читателя в другое место, однако и этот принцип не является абсолютным. Связующим звеном между старым событием и новым служат отрывочные воспоминания героя, например, о мальчишке, который помог ему в сложной ситуации и которого, он, по всей видимости, убил: *«Человек раскладывает мелкие купюры стопками, перетягивает резинкой. Мальчишка! И он вспоминает, как тот помогал цеплять пачки. А потом ловит себя на мысли, что никакой жалости к нему не испытывает»* [5, с. 49]. Еще одно высказывание наталкивает на такой вывод: *«Он отодвигает москитную сетку, свешивается с кровати — плеск, разбудивший его, доносится снизу. Вода между досок блестит, переливается. Неожиданно блики исчезают, щель заслоняет черная макушка. Снизу на человека смотрит пара блестящих глаз. Снова вода, видение испаряется»* [Там же]. Черные глаза — основная портретная деталь, которую автор дает для описания азиатского мальчишка-помощника. В этом образе угадывается именно он. Косвенное указание на цель, которая была при персонаже и которую он спешно выбросил за борт, дополняет картину, проясняя этот момент.

По-новому воспринимается современным человеком и любовь. Если раньше это чувство помогало героям обрести себя, пусть порой и ценой безответности, понять смысл жизни, определиться в своем пути, то новый человек совершенно иначе смотрит на этот вопрос. Герой романа переживал любовь дважды. По его же собственным словам, любимая женщина — это его собственное отражение: *«В сущности, я нашел в ней себя, свое отражение. Типичного представителя поколения, чья внешняя природа изменчива, управляема — а внутренняя непреодолима в последней правоте и цели. В чем состояла цель? Какой правотой обладала? Я не знал или не хотел знать. Потому что у моих сверстников эти цели часто оказывались не только непредсказуемыми, но и пугающе разными»* [Там же, с. 45]. Отражение в данном случае не предполагает сходство внутренних характеристик одного

персонажа с другим, а скорее полное их растворение, потеря собственной идентичности. Уже упомянутое нами отсутствие цели подтверждается героем (автором), более того, декларируется нежелание эту цель определить, найти, добиться ее. В этом также проявляется клиповость сознания, ее пагубное влияния на целостность человека.

Разъединение собственного мироощущения и реальности сквозит во всей внутренней речи героя: *«Но что тогда такое “быть собой”? Разговаривая с отражением, ему хочется услышать собственный голос. Увидеть в зеркале, как двигаются губы. Доказать тем самым, что жив. Что хотя бы лицо принадлежит ему. Но внутренний голос насмехается. “Ты существуешь отдельно от этих ладоней”, — говорит он. “От ног, покрытых бесцветными волосками”. “От глаз, бессмысленно сверлящих амальгаму”»* [5, с. 54]. Приведенный монолог отражает мысли человека, находящегося в состоянии наркотического опьянения, которое в романе представляется как момент наибольшего откровения, когда *«еще одно усилие — и мир выдаст мне свою формулу. Назовет пароль. Откроет карты»* [Там же]. Таким образом, разъединение жизненных событий является не просто художественным вымыслом, а становится жизненной нормой. Подтверждает эту идею и размышления персонажа в нормальном, адекватном состоянии: *«Если видишь в другом тюремщика и палача, то палач и тюремщик — это ты. Если факира — ты факир. Если осла — ты осел, а если жертву — ты жертва. Если свободного человека...»* [Там же, с. 72]. Свобода — единственная цель человека, к ней идет герой ценой любых поступков, в том числе преступления.

Финальный же монолог героя по форме напоминает настоящий видеоклип, описанный словами: *«Я — дерево. Оно растет за верандой нашего сада, у стены. Большое, корявое. Такое старое, что вросло в стену. Меня зовут дерево, говорю я, когда меня спрашивают. Как же так? — удивляются все. Какое же ты дерево? Я не могу объяснить, почему я дерево, но я — дерево. Раньше я был вороной. Это случилось сразу после выходных. Ворону нашел наш повар, когда выносил бак с кухни... Я — Колян... Я — пожарные шары... Я — билет. Когда-то давно я был маминым передником, потому что он пахнет луком и картошкой»* [Там же, с. 82] и т. д. Подобное восприятие мира становится нормой в художественном мире произведений, т. к. является во многом отражением мышления современного человека.

Можно сказать, что в романе Г. Шульпякова прописан новый тип героя, который становится традиционным для всей современной прозы. Как отмечает Ю. Счастливецца, «в современной реалистической прозе обновляется концепция личности, возникает новый тип психологизма, связанный с закрытостью современного человека, попытками переоценить традиционные духовные категории» [4]. Переоценка ценностей рождает особый, хорошо узнаваемый тип героя. Основные его черты попыталась представить Д. Ращупкина: «Итак, наш герой времени развивается себе на просторе, потом стареет, полнеет, сталкивается с проблемами, о части которых в девятнадцатом

веке и ведать не ведали, еще не знали, а о других предпочитали скромно молчать. Возраст его колеблется от тридцати лет с приличным хвостом до пятидесяти с копейками...

Один из журналистов газеты «Россия» Андрей Новиков-Ланской совершенно противоположно понимает идею клиповости: *«клиповое сознание – это начало поворота от линейного прозаического мировосприятия к нелинейному поэтическому. От развернутой последовательности сюжета к напряженному символизму коротких, но бездонных поэтических метафор. От исторического сознания к мифологическому»* [2], однако трактовка, предложенная журналистом, подразумевает высокий культурный и нравственный стержень, на который нанизывается новая мифология, поэтика и метафорика. Массовая культура и возникшее вследствие этого массовое сознание значительно примитивизирует восприятие мира современным человеком, не позволяет выходить на высокий уровень его осознания. На наш взгляд, тенденция к клиповости не может быть отмечена как положительная, потому что отсутствие перспективы собственной жизни, непонимание своего пути разрушает целостность восприятия мира, что может быть губительным для человека, как это случилось с главным героем романа. Возможно, Глеб Шульпяков хотел сказать именно это своим произведением, но утверждать этого мы не будем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережинская А. Ю. Модели героев в прозе 2000-х годов о современности / А. Ю. Мережинская // Русская литература : исследования. – 2006. – № 10. – С. 47 – 61.
2. Новиков-Ланской А. Клип и циклопы [Электронный ресурс] / А. Новиков-Ланской. – Режим доступа к :
3. <http://russianews.ru/freetime/25912>
4. Ращупкина Д. Персонаж нашего времени / Д. Ращупкина // Октябрь. – 2005. – № 5. – С. 182 – 185.
5. Счастливецва Ю. А. Трансформации художественной системы реализма на рубеже XX – XXI веков [Электронный ресурс] / Ю. А. Счастливецва. – Режим доступа к :
6. <http://www.bestreferat.ru/referat-89379.html>
7. Шульпяков Г. Фес / Г. Шульпяков // Новый мир. – 2010. – № 3. – С. 9 – 82.

Аннотация

В. В. Нестерук **О некоторых особенностях современного сознания в отражении художественной прозы (на примере романа Г. Шульпякова «Фес»).**

Статья посвящена рассмотрению одной из ведущих тенденций не только в литературе, но и в культуре в целом — проявлениям клиповости массового сознания. Также уделяется внимание проблеме героя в современной русской литературе. Произведено попытка выявить базовые особенности, определяющие клиповость как явление ментального мира человека. Отдельно рассматривается специфика хронотопа произведений современной литературы. Автор статьи анализирует указанные вопросы на примере романа «Фес» Г. Шульпякова.

Ключевые слова: клиповость, хронотоп, персонаж, внутренняя речь, психологизм.

Анотація

В. В. Нестерук **Про деякі особливості сучасної свідомості у віддзеркаленні художньої прози (на прикладі романа Г. Шульпякова «Фес»).**

Статтю присвячено розгляду однієї з провідних тенденцій не лише в літературі, але й в культурі в цілому — проявам кліповості масової свідомості. Також приділяється увага проблемі героя в сучасній російській літературі. Зроблено спробу виявити базові особливості, визначальні кліповість як явище ментального світу людини. Окремо розглядається специфіка хронотопа творів сучасної літератури. Автор статті аналізує зазначені питання на прикладі роману «Фес» Р. Шульпякова.

Ключові слова: кліповість, хронотоп, персонаж, внутрішнє мовлення, психологізм.

Summary

V. V. Nesteruk **About Some Features of Modern Consciousness in the Reflection of Artistic Prose (on the Example of Novel by G. Shul'pyakov «Fes»).**

The article is devoted to examination of one of leading tendencies not only in literature but also in culture on the whole — to the displays of clipness of mass

consciousness. Attention is also spared in the problem of a hero in modern Russian literature. An attempt is made to expose base features, determining clipness as a phenomenon of the mental world of a man. The specifics of chronotope in works of modern literature is separately examined. The author of the article analyses the indicated questions on the example of novel «Fes» by G. Shul'pyakov.

Keywords: clipness, chronotope, character, internal speech, psychologism.